

⁶⁶ Косвен М.О. Указ. раб. С. 6–7.

⁶⁷ Там же. С. 118–123.

⁶⁹ Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л., 1981. С. 13.

⁶⁹ Ефименко А.Я. Крестьянское землевладение на крайнем Севере // Исследования народной жизни. М., 1884. С. 293, 375.

⁷⁰ Там же. С. 364.

⁷¹ Там же. С. 293–301, 345, 364–370

⁷² Клементьев Е.И. Этнические аспекты... С. 53–55.

V. P. Orfinskiĭ, I. E. Grishina. Traditional Systems of Rural Settlement in Karelia

Considered in this article is the problem of settlement, i.e. the problem of mutual disposition of settlements on the terrain with the purpose of economic exploitation of the territory. As the authors show the specific patterns of settlement and the unevenness of agrarian development of Karelia at the turn of the 19th–20th centuries resulted in the non-uniformity of the picture of settlement in this area. The example of Karelia is used to demonstrate that traditional rural settlement pattern is a phenomenon keenly sensitive to the changing realities of life.

© 1999 г., ЭО, № 6

Д. М. Дудко

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТНОГЕОГРАФИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ГЕРОДОТ, ПСЕВДО-ЗАХАРИЯ, НЕСТОР

Первое обстоятельное этногеографическое описание народов Восточной Европы – скифов и их соседей – оставил Геродот (IV, 1–36, 46–82, 99–117). Тысячу лет спустя подобное описание, гораздо более короткое, но не менее ценное, сделал безымянный сирийский автор – продолжатель хроники Захарии Ритора, известный под именем Псевдо-Захарии. Еще через шесть веков этническую географию Восточной Европы составил Нестор-летописец, уделив главное внимание восточнославянским племенам.

Исследователи, как правило, смотрят на эти описания только как на этногеографические очерки, данные которых нужно увязать с географическими и археологическими картами и современными этнолингвистическими классификациями. Лишь немногие историки обращают внимание на то, что Геродот и Псевдо-Захария, как и многие другие древние и средневековые авторы, рассматривали описываемые ими народы и страны сквозь призму мифологической картины мира¹.

Мифологическое (в основе своей первобытное, родоплеменное) мировоззрение делит мир и его обитателей на «свой» центр и «чужую» периферию, «своих» (соплеменников) и «чужих» («инородцев»). При этом «свои» рассматриваются как «настоящие люди», а «чужие» в той или иной степени наделяются чертами обитателей иного (потустороннего) мира, населенного богами, демонами, чудовищами и духами предков. С развитием общества круг «своих» расширяется, охватывая народность, конфессию, расу, этнокультурную общность. «Чужими» же остаются народы, отделенные от «своих» большими расстояниями и(или) культурными, языковыми, социальными барьерами. Такие представления свойственны и первобытным, и цивилизованным обществам, и фольклорной, и книжной традиции (вплоть до современной). Они лежат в основе «баснословных» описаний далеких народов и всякого рода шовинистических и расистских мифов.

В таких традициях грань между реальным миром людей и миром мифических образов оказывается очень зыбкой. Так, описание пути на северо-восток Европы у Геродота (IV, 20–36) начинается со вполне реальных скифов и кончается мифическими гиперборейцами, грифами и аримаспами, для которых находят четкие соответствия в индоиранской мифологии, а сам путь незаметно превращается из торгового маршрута в шаманский полет². Но если народу приписываются мифологические черты (даже фантастические), это еще не значит, что он реально не существовал. Так, киммерийцы – вполне реальное население Северного Причерноморья, но они же у Гомера и его схолиастов – мифологические обитатели загробного (нижнего) мира или его преддверия, прямо отождествляемые с умершими. Пигмеи, поныне живущие в лесах Центральной Африки, в античной традиции имеют черты титонических демонов³ и долгое время считались «баснословным» народом.

Мифологизация «инородцев» обычно идет в двух направлениях. Как и подобает обитателям «иноного» мира, где «все наоборот», они либо «блаженные», «священные», либо «проклятые», «нечистые». В первом случае они прекрасны и морально совершенны, свободны от социальных пороков и природных тягот. Во втором – порочны, уродливы, жестоки и враждебны «настоящим» людям. Их страны носят соответственно черты загробного рая или ада, размещаясь на мифологической периферии реального мира, а то и прямо в ином (нижнем) мире, как киммерийцы у схолиастов Гомера (Schol. Hom. II, XI, 14). Образы «благородных» народов и «кровожадных» варваров (дикарей) сосуществуют в книжной традиции от античности до наших дней.

Пример «ученой» мифологической этнографии дают византийские авторы Георгий Амартол (IX в.), чей труд использовал Нестор, а также Псевдо-Кесарий (VI в.), впервые упоминающий славян под их собственным именем. Приведем полностью этнографический пассаж Амартола (в славянском переводе, цитируемом Нестором): «Ибо комуждо языку овтмъ исписанъ законъ естъ, другим же обычая, зане законъ беззаконьникомъ отечество мнеться. От них же первые сирии, живущие на конецъ земля, законъ имуть отец своих обычаи: не любодѣяти и предубодѣяти, ни красти, ни оклеветати, ли убити, ли зло дѣяти весьма. Закон же и у бактрианъ, глаголемии врахманеи островници, еже от правды показаньемъ и благочестьемъ мяс не ядуще, ни вина пьюще, ни блуда творяще, никакая же злобы творяще, страха ради многа гоняи ибо таче прилежащимъ к нимъ индиом – убийстводтици сквернотворяще гнѣвливи и паче естества; ли внутръниши странг ихъ человекъ ядуще и странствующихъ убиваху, паче же ядять яко пси. Етеръ же законъ халдѣемъ и вавилонямъ: матери поимати, съ братними чады блудъ дѣяти, и убиваху. И всякое бо студное дѣянье яко добродѣтель мнеться дѣюще, любо далече страны своя будуть. Инъ же законъ гилиомъ: жены в них орють, зиждють храми, и мужьская дѣла творять, но любы творять слико хочеть, не въздержаеми от мужий своихъ весьма, ли зазрять, в нихъ же суть храбрый жены ловити звѣрь крѣпкыи. Владѣють же жены мужи своими и добляють ими. Во Врѣтаньи же мнози мужи с единою женою спятъ, и многи жены с единымъ мужемъ похотѣствуютъ: беззаконная яко законъ отецъ независтьно ни въздержаньно. Амазоне же мужа не имуть, но и аки скотъ бесловесныи единоу льтомъ к вешнимъ днемъ оземьствени будут; и сочтаются с окрестными мужи, яко нѣкоторое имъ торжество и велико празднество время то мнеть. От них заченшимъ въ чревь лаки розбѣгнутыя отсюду вси. Во время же хотящимъ родити, аще родится отроча, погубять; аще же дѣвическъ полъ, то въздоагъ и прилъжнъ възпитають»⁴.

В этом пассаже народы делятся на «блаженных» и «нечистых». Первые (сиры, бактриане-брахманы) идеально добродетельны. Вторые (индийцы, халдеи-вавилоняне, британцы) наделены лишь пороками; особенно подчеркиваются их жестокость (вплоть до людоедства) и сексуальная распущенность. Это скорее не люди, а какие-то чудовища, лишённые всяких законов и морали. В обоих случаях «все наоборот»: либо абсолютная добродетель, отсутствующая или редкая в реальном обществе, либо столь же абсолютное бесчеловечие и «антимораль». По принципу «все наоборот»

описаны и матриархальные народы – гилии и амазонки (последние – по Страбону (XI, 5, 1)). Черта «все наоборот» характерна для загробного мира⁵.

Очевидную мифологическую пару составляют «блаженные» брахманы и их порочные соседи-индийцы. Описание идеальной общины брахманов на острове восходит к «Александрии»⁶. В основе его, вероятно, не только впечатление греков от ашрамов – обителей брахманов-отшельников, но и индийский миф о Швета-двине, Белом острове – обители блаженных мудрецов на северном краю света. Этот миф в свою очередь восходит к общеиндоиранскому (известному и грекам) мифу о стране блаженных на крайнем севере, путь к которой преграждают чудовища и демоны. К последним принадлежат, в частности, аримаспы Геродота и Аристея, убедительно отождествляемые с осетинскими вайюгами (одноглазыми великанами – стражами подземного царства мертвых)⁷. Обитатели же Швета-двипы в Махабхарате (XII. 337–338) наделены божественными чертами: сияющие, четверорукие, не нуждаются в пище и т.д. В греко-скифской традиции Швета-двине соответствует Белый остров, где обитают Ахилл – «владыка Скифии» – и другие обретенные бессмертие герои⁸. В украинском и восточнороманском фольклоре рахманы (попавшие туда из книжной традиции) живут далеко на юге или востоке, вблизи рая, на островах или под землей, среди жестоких язычников, преследующих их⁹.

В отличие от Амартола Псевдо-Кесарий пишет не о далеких от Византии народах, а о славянах, штурмовавших в VI в. ее дунайскую границу, и об их соседях – данувитах (вероятно, население византийского Подунавья; по мнению же И. Дуйчева, данувиты – это союзные Византии анты, противопоставляемые враждебным ей славянам-склавином¹⁰). «...Славяне с удовольствием поедают женские груди, поскольку они полны молока, и разбивают о камни грудных детей, словно мышей... фисониты, которые называются еще данувитами, отказываются есть даже чистую пищу, разрешенную законом... первые дерзки, анархичны и безначальны... для них обычное дело убить своего господина во время праздника или путешествия... они едят лисиц, диких кошек и кабанов, а подзывают друг друга, подражая волчьему вою... вторые воздерживаются от кровожадности, а подчиняются и повинуются первому же, кто им встретится»¹¹.

Здесь сверхправедные данувиты (названные фисонитами от райской реки Фисон) и порочные славяне составляют такую же мифологическую пару, как рахманы и индийцы, гиперборей и аримаспы. По мнению Ф. Малингудиса, славянам тут приданы черты славянских же демонов – волколаков и духов, крадущих молоко (смердов, дивичей)¹². Пассаж Псевдо-Кесария, таким образом, – древнейший памятник славянофобии. Не столь важно, очернял ли византийский автор славян сознательно или только пересказывал слухи, которым сам верил. В любом случае его повествование (тенденциозность которого явна и бесспорна) – не произвольная фантазия. Оно построено в соответствии с архаическими мифологическими канонами.

Вернемся теперь к Геродоту, Псевдо-Захарии и Нестору. Все трое – грек, сириец и русич – связаны с античной (эллинской) и развившейся из нее восточно-христианской традицией так же, как Амартол и Псевдо-Кесарий. Однако три автора отразили не только эту книжную традицию, но и представления (в том числе мифологические) обитателей юга Восточной Европы. Геродот, по мнению большинства исследователей, был в Скифии и знал скифский фольклор и мифологию. Псевдо-Захария черпал информацию у сирийцев, долгое время живших в плену у кочевников Предкавказья. Нестор же, сам днепровский славянин, хорошо знал местные предания.

У Геродота и Псевдо-Захарии народы Восточной Европы делятся на две группы. Первая группа – «свои»: о них сообщаются реалистические этнографические данные, лишённые мифологической окраски. У Геродота это скифы, а также будины, гелоны, тисоагеты, иирки. У сирийского автора – евразийские кочевники и народы Северного Кавказа. Вторая группа – «чужие», живущие по периферии территории, занятой «своими» и далее – преимущественно к северу от нее. Сведения о них фантастичны или мифологически окрашены.

Начнем с Геродота. Южнее скифов, по его рассказу, обитают тавры – дикое и жестокое племя, приносящее в жертву всех чужеземцев. Как показал еще И.И. Толстой, Таврика в греческой традиции носит черты потустороннего царства¹³. А в индийской традиции на юге находится загробное царство Ямы и Ланка – царство демонов-ракшасов, кровожадных людоедов. Западнее скифов живут агафирсы, наделенные явными чертами «блаженного» народа: «Агафирсы, напротив, отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носят золотые украшения. Женщинами агафирсы пользуются сообща с той целью, чтобы всем быть братьями между собой и не возбуждать друг в друге ни зависти, ни вражды» (Нер. IV₂, 104). Примечательно, что в данном случае групповой брак расценивается как признак не распутства и «беззакония», а особой праведности. Именно на западе, согласно греческой и кельтской традициям, лежат «острова блаженных». Византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта (VI, 2, 10–16) говорит о некоем славянском племени, живущем «на краю западного Оксана». Эти славяне велики телом и прекрасны, не знают войн, мятежей, железного оружия и вообще железа, искусны в игре на гусях. Это описание весьма напоминает гипербореев или обитателей Швета-двипы, прекрасных и чуждых войне, занятых молитвами, песнопениями и т.д. Есть «блаженный» народ и на северо-востоке – это аргишней: «Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны. У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежища, не терпит ни от кого обид» (Нер. IV, 23). В иудеохристианской традиции Эдем лежит на восточном краю мира. На востоке же русские сектанты искали блаженную страну Беловодию¹⁴. Восточные соседи праведных аргишней – исседоны, пожирающие умерших стариков. Однако исседоны «считаются справедливыми людьми» (Нер. IV, 26).

Севернее скифов – край зловещих народов: волколаков (невры), людоедов (андрофаги), черноодежных меланхленов. Такая концентрация образов, связанных со смертью и тьмой, неслучайна. В зороастрийской традиции север – это средоточие зла и смерти¹⁵. К северу от аргишней обитают фантастические существа – аримаспы, грифы, козлоногие, люди, засыпающие на полгода. Все они полностью или частично зооморфны (на келермесском зеркале аримаспы, борющиеся с грифоном, покрыты шерстью¹⁶; впадать в спячку – свойство медведя). В этих краях (на севере Урала) русский летописец под 1096 г. помещает «нечистых человеков», изгнанных Александром Македонским с восточного края света на северный. Согласно «Откровению Мефодия Патарского», цитируемому в этом месте летописцем, эти «нечистые» «ядяху скверну всяку, комары, и мухы, коткы, змиѣ, и мертвецѣ не погрѣбаху, но ядыху, и женьскыя изворогы, и скоты все нечистыя»¹⁷. Сказание XV в. «О человецех незнаемых в восточной стране» локализует в этих же местах шесть чудовищных самоедских племен». В числе их – людоеды, люди ниже пояса покрытые волосами, а также люди, впадающие зимой в спячку¹⁸. В преданиях самих ненцев чудовищными чертами наделены мертвцы, обитающие в нижнем мире: они одноноги, однуруки или лишены половины головы¹⁹. Как видим, мифологическая мысль ненцев-самоедов работала так же, как у тех, для кого они сами были «чужим», «нечистым» народом.

Упомянутых выше чудовищных противников Александра древнерусские книжники именуют «люди дивия». В уральских же преданиях «дивьи люди», наоборот, «блаженный» народ – подземные обитатели, прекрасные, мудрые и вещи. Согласно архангельским поверьям, далеко на востоке обитают «маленькие» (карлики) и одноногие люди²⁰.

А к северу от чудовищных народов у Геродота, Аристеея и других античных авторов находится блаженная Гиперборея. Ей соответствуют индийские Швета-двипа и Меру, Шамбала центральноазиатских буддистов, иранская Кангха-Кангдиз – блаженные страны, лежащие на крайнем севере²¹. Беловодия в легендах XIX–XX вв. обычно локализуется на востоке – в Центральной Азии или Японии. Но в Мазурином летописце XVII в. говорится о завоевании словенами и русами земель до Оби «и до устия Беловодныя воды, ея же вода бела, како млеко»²². Беловодье явно соответствует

северному Молочному океану, на котором лежит Швета-двипа. Белый остров как обитель богов на севере фигурирует и в ненецких мифах²³. Белым и ныне именуется остров к северу от Ямала.

Наконец, к востоку от скифов находятся «женоуправляемые» савроматы. Обычно считается, что у них пережитки матриархата были сильнее, чем у скифов. Между тем женские погребения с оружием часты и в скифских могильниках²⁴. Геродот (IV, 110–116) передает легенду о происхождении савроматов. В ней война между скифами и поселившимися рядом амазонками завершается браками между воинственными девами и скифскими юношами. Это напоминает рассказ Страбона (XI, 5, 1) об амазонках: они живут по соседству с кавказским племенем гаргареев и каждую весну сходятся с мужчинами этого племени ради продолжения рода. Совершенно аналогично Геродотовой легенде сохраненное Козьмой Пражским (I, 3–9) чешское предание о «девичьей войне». В нем война амазонок с чешскими юношами кончается миром и браками между ними.

Легенды об амазонках, распространенные по всему миру, изображают племена, состоящие из одних женщин (обычно воинственных). Зачатие детей у них происходит либо чудесным образом от воды, либо от мужчин соседнего племени (иногда состоящего из одних мужчин). В наиболее архаичных мифах отдельно живущие «женское» и «мужское» племена первоначально вообще не знают брака и половой связи. В кавказских и среднеазиатских амазонских легендах обычен мотив борьбы героя-мужчины (или чужеземного завоевателя) с амазонками, кончающейся его браком с их предводительницей либо гибелью одного из них. Это весьма напоминает греческие мифы о борьбе с амазонками Геракла, Тезея, Ахилла или индийскую легенду об Арджуне и амазонках. В конечном счете «женское царство» либо гибнет, либо отказывается от своих обычаев²⁵. Легенды об амазонках – это по сути не столько «воспоминание о матриархате», сколько миф об изначальной эпохе, когда «все было наоборот» (женщины жили отдельно от мужчин и занимались мужскими делами), и о том, как этот порядок сменился «правильным» («патриархальным»), а из «женского» и «мужского» племен произошел единый народ. Амазонки и их соседи (племя мужчин) составляют, таким образом, мифологическую пару.

Все сказанное, разумеется, не означает, что невры или агафирсы вообще не существовали или же что у агафирсов не было группового брака, а у невров – культура волка. Дело в том, что скифы, описывая своих соседей, выделяли (а то и преувеличивали) такие их черты, которые укладывались в их мифологическую модель мира.

Обратимся теперь к тексту Псевдо-Захарии: «Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сиургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит – эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них живет народ амазраты и люди-псы; на запад и на север от них живут амазонки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рожают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляют, и таким образом они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев, есть еще три черных народа»²⁶.

Здесь, как видим, к северу от евразийских кочевников тоже лежит край зловещих народов: карлики-амазраты, люди-псы, «черные народы». В мифах многих народов карлики – хтонические, зачастую опасные существа²⁷. Собака, как и волк, в индо-европейской мифологии тесно связана с загробным миром и смертью²⁸. У восточных славян «собака», «песья вера» – обычное ругательство в адрес инородца или иноверца: украинцы приписывали «ляхам» происхождение от собаки, побитой св. Петром, а словаки, хорваты и карпатские украинцы отождествляли турок и татар с людоедами-песиголовцами²⁹. Люди-псы и «черные народы» – по сути те же невры и меланхлены.

А вот амазонки, видимо, составляют с народом рос (ерос) мифологическую пару. Сильные, но пешие и безоружные, росы явно дополняют «женский народ» амазонок – конных воительниц. В очень архаичной «Сказке о девичьем и мужичьем царствах», записанной В.В. Богдановым на Смоленщине, мужчины и женщины живут раздельно, не зная брака, причём первые разводят коров, но не ведают коневодства, а вторые ездят и воюют на конях. Контакт двух «царств» завершается сначала браками, а потом войной и гибелью «девичьего царства»³⁰. По утверждению Помпония Мелы (I, 19), у сарматского племени иксамаатов пехоту составляли мужчины, а конницу – женщины. Согласно же Лисию (Ерп. Corinth.2), амазонки в отличие от покоренных ими народов умели ездить верхом и употреблять железное оружие. О соседстве росов с амазонками в X в. писал Ибрагим ибн Якуб. В XII в. Идриси сообщал о двух островах амазонок в северном океане: «острове женщин» и «острове мужчин»³¹. Адам Бременский (IV, 19–85) помещает на крайнем северо-востоке (в Прибалтике) амазонок, несиголовцев – их детей, а также людоедов, циклопов, одноногих людей. А Снорри Стурлусон в «Хеймскрингле» локализует на крайнем востоке Европы великанов, карликов и «черных людей»³².

Переноса сведения Геродота и Псевдо-Захарии на карту, нужно, на наш взгляд, попытаться найти границу между «своими» и «чужими» племенами. Она скорее всего должна совпадать с границей племен, резко различающихся в хозяйственно-культурном плане. В архаическую эпоху, когда мир уже не сводится к одному своему племени, «чужими», «нечистыми» скорее могут представляться племена с другим образом жизни, особенно этнически неродственные. Скифологи издавна спорят о том, считать ли носителей «скифских» культур лесостепи скифами-пахарями и скифами-земледельцами или же нескифскими племенами (невры, андрофаги, меланхлены, будины, гелоны). Между тем в культурном отношении лесостепные «скифы» от своих северных лесных соседей (милоградских, юхновских, висоцких племен) отличаются резче, чем от степных скифов. Поэтому более вероятно считать северной границей Скифии границу лесостепи и леса. Учитывая же, что будины и гелоны тоже воспринимались как «свои», их также можно локализовать среди лесостепных носителей «скифской» культуры. Впрочем, одна «нечистая» черта у будинов есть: они названы «фтейрофагами» – пожирателями то ли шишек, то ли вшей. Для «чужих» же характерно употребление «нечистой» (необычной или неприятной) пищи. Поэтому возможна локализация части будинов и в лесной зоне. Наиболее вероятной представляется, таким образом, схема Б.А. Рыбакова: скифы-пахари, скифы-земледельцы и будино-гелоны – в лесостепи, невраы, часть будинов, андрофаги и меланхлены – в лесной полосе либо, как и савроматы, в степи, но за пределами Скифии³³.

В VI в. н.э. племена леса и лесостепи в культурном отношении меньше отличались друг от друга, чем от степных кочевников. Поэтому целесообразно искать северные племена Псевдо-Захарии (росы, амазонки, люди-псы и т.д.) среди обитателей лесной и лесостепной зон (носителей пеньковской, колючинской, корчакской культур). Здесь представляет интерес (особенно в связи с вопросом о росах и амазонках) недавняя находка у с. Мохнач на Харьковщине женского погребения VII в. с украшениями круга «древностей антов (русов)», совершенного по сарматскому обряду – в яме с подбоем³⁴.

У Нестора «своими» являются лишь его соплеменники-поляне – праведные, если не блаженные: «Поляне бо своих отець обычай имуть, кротокъ и тихъ, и стыдъне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, к матеремъ, и къ родителемъ своимъ, к свекровемъ и къ деверемъ велико стыдъне имъху, брачный обычай имяху...». Им противопоставляются остальные восточные славяне и степняки-половцы, равно наделяемые «нечистыми» чертами: «А древляне живяху звериньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девиця. И радимичи, и вятичи, и съверъ одинъ обычай имяху: живяху в лъсъх, яко же и всякий звъръ, ядуще все нечисто, и срамословье в них предъ отци и предъ снохами, и браци не бываху в них, но игриця межю сель» (следует описание языческих брачных и погребальных обычаев). «Си же творяху обычая кривичи и

прочии погании, не въдуще закона божия, но творяще сами собъ законь». «Якоже се и при насть нынѣ полъвци законъ держать отецъ своих: кровь проливати, а хвалящеса о сихъ, и ядуще мерътвечину и всю нечистоту, хомъки и сусолы, и поимають мачехи своя и ятрови»³⁵.

Дело здесь не в борьбе христианства с язычеством: язычники-поляне противопоставляются язычникам же – остальным восточным славянам, преимущественно лесным. Примечательно, что восточнославянские племена лесостепи и степи (уличи, тиверцы, белые хорваты) не наделяются чертами «нечистых». Северяне же обитали отчасти в лесной зоне. Свою роль здесь могли играть и разные этнокультурные корни: у лесостепных племен – преимущественно «скифские» и черняховские (с иранским и фракийским субстратом), у лесных – милоградские и поздnezарубинецкие (с балтским субстратом). Впрочем, «нечистых» черт Нестор не приписывает и некоторым лесным племенам (дулебам-вольнянам, дреговичам). То, что говорили поляне о северянах и древлянах в XII в., в V в. до н.э. вполне могли говорить лесостепные «скифы» о милоградцах и юхновцах, а в VI в. н.э. – пеньковцы о колочинцах (а степняки – о тех и других). Противопоставление же христиан язычникам (или «плохим» христианам) лишь наложилось на архаическую мифологическую «этнологию».

Кому-то может показаться оскорбительным для Нестора определение его как первого русского (точнее, «великополянского») шовиниста. Однако величайший историк Древней Руси здесь был вполне на уровне своих высокообразованных предшественников (не исключая и отца истории). Все они лишь продолжали тысячелетнюю мифологическую традицию, коренящуюся еще в первобытности. В то же время Нестор, отдав этой традиции дань в этнографическом введении, не делает ее средством объяснения истории. Даже в рассказе о призвании варягов он не изображает как «нечистых» ни славян и финно-угров, ни скандинавов. Этим он отличается от современных националистов и расистов, сочиняющих целые трактаты, где все беды в истории «своих» народов объясняются зловерными кознями «чужих» («москалей», «жидов» и т.д.). Никакого значения не придавал Нестор «чистоте крови» и вообще соматическим различиям между народами. Не считал он в отличие от «бытовых» шовинистов XIX–XX вв. что у инородцев нет души, но есть хвост, черная глотка и т.п.³⁶

В целом Нестор скорее следует свойственной Геродоту традиции объективного и доброжелательного отношения ко всем народам. В XV в. эту традицию продолжает Афанасий Никитин, ставивший моральный облик людей выше их этнической или конфессиональной принадлежности, а в XIX в. – Н.Н. Миклухо-Маклай, великий гуманист и борец против расизма. Та же традиция свойственна классической русской литературе: достаточно вспомнить отношение к кавказским горцам лермонтовского Максима Максимыча и самого Лермонтова.

Мифологическая «этнология» – явление универсальное и очень живучее. Это нужно учитывать, анализируя, например, этнографические описания древности, средневековья и даже нового времени. За тем, что ныне характеризуется как черты матриархата, тотемизма или группового брака, могут стоять мифологические клише, преувеличивающие подобные обычаи у «чужих» народов. Историки первобытности спорят о том, существовали ли вообще в древности матриархат, промискуитет, групповой брак и что подразумевать под этими категориями. Бесспорно, однако, что матриархата как общества с доминированием женщин во всех сферах жизни нигде не существовало, а групповой брак и даже промискуитет не равнозначен отсутствию семьи и хаосу в сексуальных отношениях³⁷. «Девичьи царства» и народы, будто бы живущие в «свальном грехе», как уже показано, принадлежат мифологии. Впрочем, возможно, что волк был тотемом неуров (милоградских племен). Однако следует помнить, что представления о волках-оборотнях (притом зачастую как вредоносных демонах, а не только «своих» тотемах) универсальны³⁸.

Особая же осторожность необходима в обращении с источниками, отражающими этническую или религиозную вражду. В таких случаях иноверцам и инородцам охотно

приписываются черты «нечистых» народов. Наиболее популярны обвинения в «свальном грехе» и человеческих (особенно детских) жертвоприношениях. Такое сообщали (вопреки истине), например, язычники о ранних христианах, православные и католики – о «еретиках»³⁹. В случаях, подобных Мултанскому процессу или делу Бейлиса, обвинения легко переносятся с конкретных обвиняемых на целые этносы или конфессии. (Заметим, что реальные изуверские ритуалы зачастую совершаются психически нездоровыми людьми, фактически действующими вопреки предписаниям собственной религии.)

Критикуя проявления национальной, религиозной или расовой вражды, следует помнить, что они порождаются не только невежеством, бескультурьем или низменными мотивами, но и очень древними механизмами мифологического мышления.

Примечания

- ¹ Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. М., 1985; Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Москва; Смоленск, 1995. С. 2–52.
- ² Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1984. С. 66–74, 94–98.
- ³ Гусейнов Г.Ч. Пигмеи // Мифы народов мира. Т. 2. М., 1992. С. 312.
- ⁴ Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л., 1950. С. 15–16.
- ⁵ Петрухин В.Я. Загробный мир // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1991. С. 453.
- ⁶ Александрия. М.; Л., 1965. С. 107–111; Хождение Зосимы к рахманам // Памятники отреченной русской литературы. Т. II. М., 1863. С. 85–88.
- ⁷ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб. С. 81–83.
- ⁸ Дудко Д.М. Белый остров Ахилла и индоиранская мифология // Восток. 1993. № 1.
- ⁹ Яцимирский А.И. Румынские сказания о рахманах // Живая старина. 1900. № 1–2.
- ¹⁰ *Dujčev I.* Le témoignage du Pseudo-Cesaire sur les Slaves // *Slavia antiqua*. 1953. V. 4.
- ¹¹ Малигудис Ф. К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельства Псевдо-Кесария // Визант. временник. 1990. Т. 51. С. 87.
- ¹² Там же. С. 89–90.
- ¹³ Толстой И.И. Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте. Пг., 1918.
- ¹⁴ Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Тр. Карел. фил. АН СССР. 1962. Вып. 35.
- ¹⁵ Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). СПб., 1998. С. 98–99, 110.
- ¹⁶ Раевский Д.С. История зодиака: факты, гипотезы, реконструкции // Вестн. древней истории. 1995. № 1. С. 196–197.
- ¹⁷ Повесть временных лет... С. 167.
- ¹⁸ Анучин Д. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Тр. Моск. археол. о-ва. Т. XV. М., 1800. С. 230–233.
- ¹⁹ Там же. С. 300.
- ²⁰ Людья дивия // Славянская мифология: Энцикл. словарь. М., 1995. С. 250; Власова М. Русские суеверия: Энцикл. словарь. СПб., 1998. С. 137.
- ²¹ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. Указ. раб.; Рерих Н.К. Шамбала. М., 1994; *ego же*. Сердце Азии // Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 152–191; *Voice M.* On the Antiquity of Zoroastrian Apocalyptic // Bull. of the School of Oriental and African Studies. V. 47. Part 1. P. 66.
- ²² Мазуринский летописец // Полн. собр. рус. летописей. Т. 31. М., 1968. С. 12.
- ²³ Асов А. Арии пришли с севера // Наука и религия. 1996. № 1. С. 30.
- ²⁴ Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии: на материале скифских могильников IV–III вв. до н.э. Киев, 1985. С. 67–71.
- ²⁵ Косвен М.О. Амазонки (история легенды) // Сов. этнография (далес – СЭ). 1947. № 2–3; Дрягин Н.М. Анализ нескольких карачаевских сказаний о борьбе нартов с еммечь в свете яфетической теории // Яфетич. сб. 1930. Т. 6; *Акритас П., Стефанеева Е.* Легенды Кавказа. Нальчик, 1953. С. 46–49. *Толстова Л.С.* Исторические предания Южного Приаралья. М., 1984. С. 188–211.
- ²⁶ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165–166.
- ²⁷ Левинтон Г.А. Карлики // Мифы народов мира. Т. 1. С. 623–624.

- ²⁸ *Клинггер В.* Животное в античном и современном суевии. Киев, 1911. С. 216–263.
- ²⁹ *Белова О.В.* Инородцы // Славянская мифология. С. 214; Легенды Карпат. Ужгород, 1968. С. 288.
- ³⁰ *Богданов В.В.* Сказка о девичьем и мужичьем царствах // СЭ. 1946. № 2.
- ³¹ *Косвен М.О.* Указ. раб. С. 45–46.
- ³² *Стулаусон С.* Круг земной. М., 1980. С. 11.
- ³³ *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979.
- ³⁴ *Аксенов В.С., Бабенко Л.И.* Погребение VI–VII веков н.э. у села Мохнач // Рос. археология. 1998. № 3.
- ³⁵ Повесть временных лет... С. 14–15.
- ³⁶ *Белова О.В.* Указ. раб.
- ³⁷ История первобытного общества: Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза. М., 1983. С. 361–362. История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С. 109–124. История первобытного общества: Эпоха классовобразования. М., 1988. С. 548–549.
- ³⁸ *Иванов В.В.* Волк // Мифы народов мира. Т. 1. С. 242.
- ³⁹ *Осокин Н.* История альбигойцев до кончины папы Иннокентия III. Казань, 1869. С. 139.
- 217.

D.M. Dudko. Mythological Ethnography of Eastern Europe: Herodotus, Pseudo-Zacharias, Nestor

The information of the authors indicated in this article's title on the peoples, both real and mythical, that inhabited Eastern Europe is considered from the point of view of mythological thinking, according to which mankind is divided into «one's own» («real people») and «aliens» – dwellers of the other world, inhabited by monsters, chthonian personages, whose character of life is directly opposite to the normal, i.e. human one. They are either «blessed», «sacred» or «evil», «damned» characters.

© 1999 г., ЭО, № 6

Р.Х. Керейтов

К ВОПРОСУ О БЛИЗОСТИ РОДОПЛЕМЕННОГО СОСТАВА НОГАЙЦЕВ И РОДСТВЕННЫХ ИМ НАРОДОВ

Родоплеменной состав ногайского народа перечислен в различных работах отечественных и зарубежных ученых, путешественников, в материалах архивохранилищ. В сопоставительном плане он начал рассматриваться в последние годы, главным образом автором настоящей статьи. Накопленный материал позволяет свести воедино данные о родоплеменных группах, которые приняли участие в формировании ногайцев, о наличии их не только у этого, но и у родственных ему народов и в настоящее время.

Главное при изучении этнической истории ногайцев, как и всех народов, – установление основных этнических компонентов, вошедших в состав данного народа. Этнонимия ногайского народа обширна. Названия родов и племен отражают важнейшие этапы этнической истории ногайского народа и, в сопоставлении с названиями родов и племен других народов, выявляют их этногенетические связи, проливают свет на историю культуры и языка родственных народов. Прав был А.Н. Кононов, утверждая, что «многовековое непосредственное общение восточных славян, русов, с